

ТЕАТР

В. Л.

Полупоклон вахтёрше отпустив,
улавливая такт аккордов нервных,
под еле слышимый речитатив —
не останавливаясь — мимо костюмерных.

Где предначертано всему — изображать,
в самом пристанище начал притворных,
опять иду, пытаюсь избежать
кривых зеркал и колдовства гримёрных.

Ведь кем я только ни входил к тебе —
послушником, шарманщиком, пророком...
Ещё порог не перейдя, я уступал в борьбе
чужим достоинствам и не моим порокам.

Чью злую волю исполняю? Чей каприз?
Что столько раз мне быть собой мешало?
Неужто впрямь — влияние кулис,
дыханье зрительного зала?

Какой же материк сегодня под стопой?
Какого века ветер нынче свищет?
...Ну вот, опять не совладал с собой. —
Иду, гадая: принцем или нищим.

* * *

Звоню — и вновь издалека
мне тётушка в ответ:
«Мой дорогой, болит нога...
Да-да, которой нет».

Утешу, зная, что всему
отторгнутому — нить.
Болящее и самому
из сердца не избыть.

Кругом торги и маета.
Но где тот зримый свет?..
Болит, болит Россия — та,
которой больше нет.

Другая Россия
1993

РЕФЛЕКСИЯ СТАЦИОНАРНОЙ ЗВЕЗДЫ ИЗ ГАЛАКТИКИ NGC 4594 (“СОМБРЕРО”)

1

Вот предел и радости, и свободы:
плавиться и улетучиваться плавно...
Странно,
горение мнилось бесплодным,
кажется, совсем недавно.

Нет, огонь, что из недр выслан,
не исчезает;
по всем приметам,
исполнено тайным смыслом
перетекание тела в потоки тепла и света.

Ткань, пребывающая в разлёте,
в чём-то по-прежнему мне подвластна, —
с этим оттоком лучащейся плоти
явно ширится внутреннее пространство.

Бывшее дальним сделалось личным,
непостижимое — сокровенным.
Будто совсем не осталось различий
между мной и Вселенной.

Космос как бы расположился во мне.
Кажется, обе среды —
внутренняя и бывшая вне, —
стали неразрывным целым.
Значит, пространство

можно понимать как собственное тело,
не имеющее предела
и делению не поддающееся...

2

И времена перестали граничить:
мне отпущенное
и вечное — слились;
время, как мир, оказалось личным
и неделимым на даль и близь.

Ясно — гореть и впредь,
и не впервые.
Чувство подсказывает, что я
мерно перетекаю в иные
призванные к жизни формы бытия.

Эти новые центры горения
также, вовне продлеваясь огнём,
тоже, должно быть, в своих стремлениях
космос охватывают, —
рассеиваются в нём.

Видимо, всё, что однажды пылало,
выгорев, где-то пылает опять.
Все временные концы и начала
сходятся,
чтобы в целом совпадать.

Дленье, мнившееся быстротечным,
стало казаться непреходящим, —
время в сущности ничего не значит;
иначе: присутствует повсюду
вечно длящимся «сейчас».

Видно, постигнуть не так уж сложно
это горение — здесь и везде,
одновременно — в будущем и в прошлом.
Знать бы:
мыслимо ли большее звезде.

Понято, в общем-то, очень мало. —
Скрыта причина Вселенной и цель:
что послужило миру началом?
И что откроется в конце?

С личным — с телом — ясно: улечусь,
но как постичь природу моего огня?
Уже не кажется, что просто случай
зажёл меня.

* * *

Со стороны надзор веду за тем,
что не моё уже, и всё же не чужое, —
за телом стынувшим, умрущим насовсем,
за истомившейся, бессмертною душою.

Уже со стороны на мир смотрю,
стремясь узреть в существенном и в малом,
что будет с ним в последнюю зарю,
с его духовным, творческим началом.

РЕФЛЕКСИЯ КАПЛИ,
ВИСЯЩЕЙ НА ШТЫРЕ
НА УРОВНЕ 92-го ЭТАЖА
ЭМПАЙЕР СТЕЙТ БИЛДИНГ

Откуда
столь удивительный мир возник?
После каких превращений и странствий
так сплотилась — кажется, только на миг —
ожившая во мне
часть пространства?..

Эта, мне отпущенная, ткань
явно небу принадлежала прежде, —
просто иначе не объяснить
зыбкую грань
между внутренней средой и внешней...

Знать бы ещё,
куда увлекает бриз.
Разные силы сошлись на мне как-то нелепо:
одолевает — властно стремящая вниз,
а притягательней — тихо манящая в небо.

Что же меня удерживает на весу?
Может, само желание парить?..
А что́ как
значимей всё же не тяга суши вниз,
а сила родства с восходящим к небу потоком,

с этим лучом, что зажжёт меня
и мною расцвечен весь,
с ветром, что выдувает меня и колышет...
Плоти и впрямь остаётся
всё меньше и меньше здесь, —
всё ощутимей парение где-то выше.

* * *

Пожалуй, не было бы смысла временить
с уходом насовсем, уж путь затвержен,
когда б не писем этих — к сердцу — нить,
которая не отпускающая держит.

Уехал — всё сказав, сведя с долгами счёт,
со всеми и со всем простясь к тому же,
но Вам пишу: «Мы встретимся ещё». —
Быть может, Вам я в самом деле нужен.

Не утверждаю, не даю обет,
но как-то связан — больше, чем словами, —
с тех пор, как верю: не оставлю этот свет,
не встретившись, не помолчавши с Вами.

...Смотрю, как ветер ветви теребит,
слежу за небом, вглядываюсь в лица,
и голос некий посвящённо говорит
об удивительном: что жизнь — продлится.

* * *

Геннадию Мирошниченко

Стихов, не продиктованных любовью,
я не пишу — не тронут пустяки.
Так что же сердце донимает болью
и выстучаться просится в стихи...

Того, кто честен и дошёл до сути,
коль не убьют, то вышлют, да взашей.
И вам досталось — от продажных судей;
от тех, кто предал; от тюремных вшей...

Тому, кто свой не нашим и не вашим,
а Небу, — не чураться и сумы.
Над ним и плут, и неуч покуражит,
и поглумятся важные умы.

Кто служит Высшему, идя своей дорогой,
отбившись от натравленных собак,
не должен зарекаться от острога.
Всё понимаю — мир устроен так.

Известно издревле, что все Ионы
бывают за бортом, что в мире — течь.
И видно, не изменятся законы,
чтоб первых среди лучших убересть.

И всё-таки, пока достанет силы,
не перестану мысленно просить,
чтоб выдержали, напрягая жилы,
чтоб не сдавались — обязались жить.

И строчки продиктованы не болью
ещё от свежего в груди рубца,
а чувством солидарности, любовью
к поверенным Творца.

* * *

Ты относилась к рифмам с недоверьем,
а я к расчётам снисходил, как сноб,
но встретились — и стынули за дверью
моё перо и твой осцилоскоп.

Казалось бы, что общего? И что же.
Связало — не порушить и деля:
мы так близки, мы до того похожи, —
уже не разберу, где — ты, где — я.

Не прикоснуться лишь... Но утром ранним,
когда в России за полдень, доднесь
«Ты здесь?» — звучит родное, с предыханьем.
И отвечаю шёпотом: «Я здесь».

Одну тебя как зов надмирный слышу —
того родства, что разорвать нельзя.
С тобою — слышу, как нисходит свыше
Любовь, объемлющая всё и вся.

Слова и числа — частности, не боле.
А целое — от уз и до потерь,
от счастья встречи той до этой боли —
поди перескажи, поди измерь...

У ОЗЕРА

Двоятся кипарисы, валуны.
Холмы — и те свой абрис в воду бросили, —
на берегу отчётливо видны,
но так туманны, так размыты в озере.

Полоской преломлён береговой,
двоится мир в чудной закономерности
на явный — воплощённый и живой —
и мнимый — отражённый на поверхности.

Живой — граничит с небом голубым,
но кажется, и он — эффект зеркальности:
трёхмерный отсвет высей и глубин,
присущих неземной реальности.

РЕФЛЕКСИЯ ВСЕЛЕННОЙ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В РЕФЛЕКСИЮ СОЗДАТЕЛЯ

1

Пройти — объять — и стать самой любовью...

Последний переход, похоже, и впрямь таков.
Не только особь каждая, и вид,
и каждый из рассеянных миров,
что ввит в меня, горит во мне и тем живит,
проходит путь от неодушевлённого
к исполненному чувством, —
но то же, видно, происходит с целым...

И всё же неясно, что ждёт
вживлённые в меня глубины,
и нет ли здесь подлога...
Скрыто и то,
продлится ли переживание во Вселюблящем, —
удастся ли совпасть с Единым
душой и сознанием.

Не мнится ли такая связь?
Не плод ли самообмана?
Ведь можно любое влечение
объяснить и без привлечения Бога.

Можно предположить,
что в переходе космической пыли
в одушевлённое
и дальше — в любовь — смысла немного...
Даже само оживление магмы
тоже, быть может, дело не Вседержителя:
просто были слепые причины,

которые упорядочили во мне
огненные пучины,
взяв на себя миссию Создателя...

Впрочем, нелепо усматривать случай
в том, что мир
как нельзя лучше устроен для обитателей.
На то он и Вседержитель,
чтоб направлять и осмысливать всё.

2

Даже если отбросить доводы —
ввериться только чувству, —
ясно: не выгорю всуе.
Грядущее
открылось во многом.
И чувствую себя почти что Богом,
ведь только ему известна история будущего.

Чем объяснить внутренний рост —
понято тоже вполне.
Причина стремлений галактик и звёзд
сквозь хаос и выбросы плазмы — к жизни
неожиданно оказалась во мне.

Эти метаморфозы огня
выявили более чем связь
продлённого во мне
с продлившим меня божественным.

...А высшее блаженство,
действительно, в том, чтоб уйти в любовь, —
отцовскую — к порождённому,
сыновью — к Породившему, —
и пребывать живительным,
осмысленным и всеохватным чувством.

Помыслы,
путь пройдя от неверия до сомнений,
дальше — к свету — вышли.
Выяснилось, что я — вечная суть Всевышнего,
вживлённая материю.

Если открывшееся подытожить,
оно б теперь точней прозвучало:
я в мирозданье с миссией: его обóжить, —
развить до любви и вернуть Началу.

3

Взрачивая всё и любя,
не сдерживая свободу разбега,
Начало зовёт к себе, в себя;
сначала делает осмысленным,
а после — сопричастным и сопричисленным.

...Обособленного не осталось.

И обезличенный мир вникает в Божий,
где рефлексировать тоже...

Вновь переосмысленное
Эго,
утратив самость и отличия,
помалу рассредоточилось в любви, —
распространилось и вобрало
даже то, что казалось нездешним.
В душе
нет ни внутреннего, ни внешнего.

И чувство не делится уже
на отцовское и сыновье:
и полнит мир, и возвращается любовью.